

Корчак Я.

КАК ЛЮБИТЬ РЕБЁНКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9

ББК 88.6

К70

Дизайн переплёта *Алексея Родюшкина*

Корчак, Януш.

К70 Как любить ребёнка / Януш Корчак. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Лучшие советские книги по воспитанию детей)

ISBN 978-5-17-182080-0

Януш Корчак — выдающийся польский педагог, писатель и гуманист, чей жизненный путь стал высшим примером верности своим идеалам. Будучи врачом и воспитателем, он до последнего вдоха оставался со своими подопечными, разделив с ними трагическую судьбу в газовой камере Трехлипки. Его труды остаются вне времени и политических эпох. Его жизнь, посвященная служению детям, превратила его имя в символ истинной человечности.

Книга «Как любить ребенка» — это подлинное завещание грядущим поколениям родителей и учителей. Корчак призывает взрослых отказаться от роли диктаторов и признать в ребенке полноценную личность, имеющую право на уважение, собственное мнение и даже на ошибки. Автор не дает готовых рецептов, но учит главному — искусству слушать, слышать и понимать маленького человека, чей гений может раскрыться только в атмосфере безусловной любви. Используя точные метафоры и живые примеры, автор побуждает читателя самостоятельно искать верные решения в сложном деле воспитания, напоминая, что фундаментом любых отношений между взрослым и ребенком должны быть теплота и взаимное доверие.

Эта книга станет незаменимым проводником для тех, кто хочет вырастить Человека с большой буквы, сохранив в нем свет и внутреннюю свободу.

УДК 159.9

ББК 88.6

ISBN 978-5-17-182080-0

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ДОЙТИ ДО СУТИ

Опыт многократного прочтения

Януша Корчака

«Неужели вы собираетесь комментировать “Как любить ребенка”? Но там же все правильно и банально», — бросила мне одна известная дама-педагог, чем, откровенно говоря, задела за живое и еще более раззадорила. Книгу Януша Корчака “Как любить ребенка” я неизменно (вот уже в течение сорока пяти лет) дарю молодым специалистам, которые впервые переступают порог школы, на каждом августовском педагогическом совете, что предшествует началу нового учебного года.

Убежден: ее должен прочитать не только каждый из тех, кто вступает на многотрудное поприще просвещения, но и те, кто решил произвести на свет или усыновить ребенка. Почему? Об этом большой и обстоятельный разговор впереди. Но сегодня актуальность книги предельно обострилась. Прагматизм и обслуживающий его технократический дискурс окутали планету, наложив каинову печать на восприятие всех без исключения сфер жизни в так называемых цивилизованных странах по обе стороны океана. Чего в первую очередь требуют родители в родительских чатах или в онлайн-конференциях? И в России, и в Америке подавляющее большинство мам и пап единодушно хотят получить четкие инструкции по обучению и воспитанию. Ребенок представляется им неким фаршем, заправив который в педагогический конвейер, на выходе можно получить хорошо воспитанного и образованного молодого человека, отвечающего чаяниям родителей и их представлениям о жизненном успехе. Отсюда прагматическое потребительское отношение к школе в целом и педагогам в частности.

**Он имел мужество сказать:
«Не знаю!»**

На память приходит ушлая американская старушка, которая отсудила у фирмы «Макдоналдс» миллионы долларов. Она обожглась горячим кофе. По решению суда фирме пришлось раскошелиться. Оттого-то инструкции по использованию современных бытовых агрегатов, включая кофейные стаканчики, по объему напоминают романы. Компанию обязали изменить температуру кофе и добавить крупную надпись с предупреждением на стаканчик.

Здесь следует оговориться: я не выступаю тотальным критиком технологии как таковой. В ряде сфер деятельности, в частности в медицине, сложенная работа врачей в соответствии с утвержденным международным протоколом обеспечивает оптимальные результаты лечения. Но педагогическую рецептуру я отрицаю, в чем вполне солидарен с Я. Корчаком: «Люди удивляются и ставят мне в вину, что я вроде бы отчасти и врач, а советовать не хочу». Он имел мужество сказать: «Не знаю!» Ибо нет двух абсолютно одинаковых детей (даже однояйцевые близнецы различны в своих интересах, жизненных планах и учебной мотивации). Поэтому мудрый врач, педагог и писатель выступал против педагогического механицизма. Именно с великого «Не знаю!» начинается подлинная педагогическая наука и рождается творческая практика, слетают педагогические шоры и рушатся мифы.

Увы, и сам образ Я. Корчака не избежал мифологизации. В глазах миллионов он этакий старый сказочник, добрый доктор Айболит, готовый погладить по головке любого ребенка, вручив ему заранее приготовленную карамельку. Его мученический конец дополняет идиллический портрет, а точнее икону, культурно канонизированного мученика (праведника мира, каковым он справедливо признан в Израиле).

В 1982 году я беседовал с известным польским педагогом, в прошлом молодым сотрудником «Дома сирот» Александром Левиным. Мы сидели в кабинете Корчака. На стене — печальная фотография, известная всему миру. На ней грустный Януш Корчак прикрыл глаза, опустив руку на плечо ребенка. Зная о его трагическом конце, невольно затихаешь перед документальным свидетельством его святости.

«Так случилось, — говорил Александр Левин, — что я присутствовал при съемках этого кадра. В тот момент Я. Корчак весело играл с детьми в жмурки. Отсюда и прикрытые глаза. Миф никогда не должен заслонять человека». Я, помнится, возразил профессору Левиному и пригласил в Москву. К нашему спору о соотношении мифа и реальности в истории мы еще вернемся.

А пока только обнаженные факты. Нет, Генрик Гольдшмидт, известный всему миру как Януш Корчак, не был карасем-идеалистом. Это был достаточно жесткий человек, офицер-военврач, прошедший три войны. Книга «Как любить ребенка» писалась не в тиши кабинета и не в интернате, где его любовно облепляли детишки.

Поразительно, но книгу «Как любить ребенка» он набрасывал в короткие моменты передышек между хирургическими операциями под стоны раненых и разрывы снарядов в прифронтовой полосе. Нашел время и место для педагогического творчества...

Первая в его жизни война — русско-японская. Задумывалась как маленькая победоносная, а обернулась началом краха империи. Второй фронтовой опыт Корчак приобрел в годы Первой мировой войны, где врачи были поражены бессилием и моральным разложением царской санитарной службы. Не хватало лекарств, инструментов, дезинфицирующих средств и перевязочного материала. Бараки, которые должны были стать полевыми госпиталями, разваливались. Деньги, предназначенные на их

ремонт, разворовывались. Взятничество достигало огромных масштабов. Особой бесчестностью отличался российский Красный Крест, который наживался тогда на всем — на доставке провизии для больных, на лекарствах, на одежде. Миллионные счета, которые он выставял, невозможно было проверить, потому что в конторах и на складах то и дело случались пожары, в них сгорали товары и счетные книги.

Однако вернемся к запискам Старого Доктора. В 1915 году ему 35 лет! К этому времени он уже достаточно известный писатель и педагог.

Писательская цепкость глаза и литературный дар лишь помогали находить отточенные формулировки. К ежедневной письменной фиксации наблюдений за детьми Януш Корчак призывал как родителей, так и педагогов, объясняя последним, что «иначе их жизнь будет промотана зря». Поразительно, Корчак, впрочем, как и Макаренко, никогда не писал строго научных трудов, не защищал диссертаций. Однако на их книгах защищены сотни, если не тысячи диссертаций.

Его педагогическая мысль отливалась не только в литературную форму. Януш Корчак обладал редким даром материализации педагогических идей, поскольку был, как сказали бы сегодня, блистательным менеджером образования, способным в сжатые сроки четко организовать работу детского учреждения с невероятно сложным контингентом воспитанников. Тому есть неоспоримое доказательство.

В 1915 году, получив трехдневный отпуск, Корчак отправился в Киев, в интернат для детей. Интернатом руководила Марина Фальская, которая с трудом справлялась с детьми, чье сознание искалечила война. «Визит офицера, поляка, известного писателя, приехавшего прямо с фронта, воспитателя, понимавшего педагогические проблемы как никто другой, стал переломным моментом

для всех. За три дня пребывания в киевском интернате Корчак преобразил хаотическую жизнь его шестидесяти обитателей. Из случайного сборища агрессивных анархистов они начали превращаться в демократическое сообщество. В начале своего визита он был втянут в дело тринадцатилетнего мальчика, которого обвиняли в краже часов и грозили выгнать из интерната. С помощью проверенной на Крахмальной (улице, где располагался детский дом Корчака в Варшаве. — *Прим. Е.Я.*) методики товарищеского суда: свидетелей, обвинителей, адвокатов и судей, которых выбирали из воспитанников, — удалось доказать невиновность мальчика, а заодно дать понять детям, что их права здесь уважают. Он помог им организовать самоуправление. Предложил свою излюбленную идею — издавать собственную газету, показал, как это надо делать, сам написал вступительный фельетон, позже присылал статьи с фронта. Днем он проводил время с мальчиками: расспрашивал об их прошлом, о судьбах, печалях, мечтах, советовал, поддерживал, придумывал игры, которые позволяли им хоть на минуту забыть о действительности. За эти три дня Корчак заразил Марину своей педагогической страстью, указал ей цель»¹.

Нравственный закон внутри нас

Человека, прошедшего через грязь и кровь войн, ежедневно и ежечасно наблюдавшего смерть, трудно представить педагогом-романтиком. Да Корчак таким и не был.

Первая мировая — не последняя в его жизни. Впереди революция, Гражданская война и провалившееся наступление Красной армии на Варшаву. Поляки выстояли,

¹ *Ольчак-Роникер И.* Корчак. Опыт биографии. М.: Текст, 2015. С. 251–252.

чудом сохранив свою независимость. Такой обретенный в боях опыт диктует реалистическое, лишенное сантиментов отношение к жизни и воспитанию новых, входящих в нее поколений.

Да, Януш Корчак ясно видел горизонт воспитания, включающий в себя категорический императив Канта — существование звездного неба над головой и нравственного закона внутри нас, — но при этом никогда не отрывался от земли. Ибо был реалистом и отдавал себе отчет в том, что школа стоит не на Луне и его воспитанникам предстоит жить в реальном мире. «Мир уродлив, и люди грустны», — как сказал замечательный американский поэт Уоллес Стивенс. Из этого не следует, что бесполезно учить детей правде и прививать им вечные нравственные ценности. Но есть одно «но»: «Да разве может обойтись любовь к правде без знания дорог, которыми ходит кривда? Разве ты желаешь, чтобы отрезвление пришло внезапно, когда жизнь кулаком хама смажет по нашим идеалам? (Неожиданно жесткое выражение писателя-сказочника и рафинированного интеллигента. — *Прим. Е.Я.*) Разве, увидев тогда твою первую ложь, не перестанет твой воспитанник сразу верить во все твои правды? Если жизнь требует клыков, разве вправе мы вооружать детей одним румянцем стыда да тихими вздохами?

Твоя обязанность воспитать детей, а не овечек, работников, а не проповедников: в здоровом теле — здоровый дух. А здоровый дух не сентиментален и не любит быть жертвой. Я желаю, чтобы лицемерие обвинило меня в безнравственности!»² Задириста последняя фраза.

Лицемерие взрослых — проклятие воспитания во все эпохи. Самодовольные взрослые в массе своей, демонстрируя небезупречный образ жизни, проповедуют детям

² *Korczak J.* Jak kochac dziecko, proza pedagogiczno-estetyczna (1919–1929) / *Levin A.* Janusz Korczak, Prisma wybrane: 4t. T. 1. 1978. С. 234–235.

идеальный способ существования, не допуская мысли, что те кожей ощущают и болезненно переносят фальшь: дистанцию между словом и делом. Но наступают времена, когда этот разрыв зашкаливает. Именно лицемерие казенных идеологов диктует государственную стратегию воспитания, основанную исключительно на положительных примерах из истории Отечества, призванных прививать детям любовь к родному пепелищу. А о путях кривды — ни слова. И это в условиях свободного доступа к любой информации.

«Именно лицемерие обвиняет в безнравственности, в отсутствии патриотизма и прочих смертных грехах тех воспитателей, которые рискуют обсуждать со своими питомцами «грехи нашей родины вечной».

(Б. Окуджав)

Именно лицемерие приводит к тому, что ученик, однажды внезапно уличивший воспитателя в лукавстве, перестает верить ему. А в результате становится циником или стихийным бунтарем, чей протест выплескивается на улицы.

Задиристое желание Корчака, чтобы лицемерие обвинило его в безнравственности, сбывается на глазах. Старый Доктор открыто смеялся, глядя на ханжество, способное выражать лишь праведный гнев и ничего более.

При всем том он не был диссидентом и ради блага детей был готов играть в разные игры с сильными мира сего, прекрасно понимая, что власти всегда будут с подозрением относиться к независимо мыслящим людям.

Так, например, после майского переворота 1926 года Ю. Пилсудского, который не был бескровным, Корчак воспользовался симпатией к его литературному творчеству со стороны супруги диктатора. Она давала спонсорские средства на содержание двух детских домов. Мало

кто знает, что Корчак одновременно руководил двумя детскими домами! Никаких государственных субсидий он не получал.

Вынужденные компромиссы доктора Корчака раздражали его более радикально настроенных коллег, которые считали, что такое поведение руководителя дурно влияет на воспитанников. Они настаивали на открытой модели детского дома, иными словами — на политизации школы.

Замечательно, что Януш Корчак совмещал в себе реалиста и утописта. Как это возможно? Доктор внимательно наблюдал за политикой, считал, что дети должны знать, как устроено государство, но при этом упрямо реализовывал на практике закрытую модель детского учреждения, создавая для своих воспитанников дом, в котором царит нравственное и психическое благополучие. Концепция, уязвимая со всех сторон. Его легко было упрекнуть (и упрекали) в утопизме и непоследовательности, в том, что на деле он пытался построить остров утопии. В этом, на мой взгляд, мнимом противоречии имеет смысл разобратся. Да, он считал, что детей надо готовить к жизни, не утаивая от них суровых неприглядных сторон. Но одно дело — готовить к жизни, и совсем другое — бросить их в этот бушующий океан, предварительно не научив плавать. Корчак полагал, что столкновение с миром должно наступить лишь тогда, когда дети окрепнут. А на этапе взросления он делал все возможное для сохранения их физического и психического здоровья, а главное — прививал детям чувство самоценности и тем самым укреплял их собственное достоинство. Этим целям был подчинен весь уклад жизни детского дома, базирующийся как на неписаных традициях, так и на писаных законах. Навероятно загруженный человек, постоянно решавший массу финансовых и бытовых проблем, не прекращавший литературного труда, он не поленился разработать для детдома судебный кодекс — более тысячи страниц

текста. В результате в его доме осуществлялось настоящее самоуправление и царила справедливость. Конечно, Корчак неумоимо обустроивал свой остров утопии, но, по большому счету, все реализованные на практике педагогические системы представляют собой такие острова (колония Макаренко, коммуна Шацкого и др.).

«Нельзя устраивать революцию, не подумав о ребенке»

По отношению к детям доктор Корчак занимал единственно верную охранительную позицию. Такая позиция особенно близка педагогам, осуществляющим воспитание детей в переломные эпохи. Революционер в педагогике, он тем не менее всегда предостерегал, выступая на рабочих собраниях: «Нельзя устраивать революцию, не подумав о ребенке». В одном из своих писем заметил: «Легче всего умереть за идею. Такой красивый фильм: падает с простреленной грудью — струйка крови на песке, — и могила, утопающая в цветах. Труднее всего изо дня в день, из года в год жить ради идеи». Как писал, так и жил, полагая, что по-настоящему преобразовать мир возможно, лишь преобразовав воспитание.

Как любить и воспитывать ребенка в России? Этот вопрос я периодически слышу от чутких, тревожных родителей и педагогов. Он нерешаем для тех, кто по-прежнему исповедует веру в то, что бытие тотально определяет сознание. Такие люди видят вокруг себя кричащие противоречия, страдают от несправедливости окружающей жизни, но недооценивают силу Духа.

Что же касается сомнений в красоте жертвы во имя идеи, то мои личные впечатления — непосредственно-го участника событий августа 1991 года в Москве — их усиливают. Там, под мостом, в революционном порыве одни молодые люди накинули брезент, закрыв смотровые щели бронемашин, а другие молодые люди, сидящие

в ней, с испугу открыли огонь. Никто не хотел умирать. Могилы погибших тогда утопали в цветах. Сегодня мало кто вспомнит их имена. Жертвенное поведение молодых людей, их «упоеание в бою, у бездны мрачной на краю» — известный психологический феномен, который с превеликим удовольствием во все времена эксплуатируют технологи власти в собственных политических целях. Зрелый, состоявшийся человек вправе принять решение о вступлении в борьбу, трезво осознавая возможность своей гибели. Но втягивать детей во взрослые политические разборки, не думая о том, что они могут привести к кровавой развязке, — неприкрытый цинизм. Об этом хорошо бы помнить вдохновителям и организаторам молодежных движений вне зависимости от того, под какими лозунгами и знаменами такие движения собираются.

Доктор Корчак, живой, непосредственный участник и свидетель войн, революций и переворотов в Польше, знал, как вести себя педагогу, попавшему со своими детьми в водоворот истории. Его жизнь и судьба — образец самого трудного вида героизма: героизма повседневности.

Отдельная горячая проблема — формирование религиозной, национальной и культурной идентичности. Корчак всю жизнь творил педагогику в раздираемой внутренними противоречиями Польше, находящейся между советским молотом и нацистской наковальней, общественная атмосфера которой не была спокойной и благостной. Напротив — насыщенной страхами и предрассудками.

На него нападали все. Ортодоксальные евреи — за то, что он колонизирует детей. Поляки и ассимилированные евреи — за то, что без надобности прививает воспитанникам чувство еврейского самосознания, затрудняя их интеграцию в польское общество. Сионисты — за то, что не убеждал детей ехать в Палестину. Коммунисты — за то, что не призывал их бороться с капитализмом.

«На каком фонаре ты меня повесишь, когда устроишь свою революцию?» — спросил он своего бывшего воспитанника, активиста одного из леворадикальных движений.

Больнее всего он переживал критику от самых близких, ибо среди его сотрудников и выпускников, которые принимали активное участие в жизни интерната, естественно, были люди разных взглядов. Но мудрый Корчак сознательно дистанцировался от любых политических и идеологических установок в педагогике.

**«Молитвы тех,
кто не молится»**

Знаменательно, что такой же принципиальной позиции — быть ни с теми и ни с теми — придерживался замечательный православный священник отец Александр Мень, о чем он сам говорил мне незадолго до своей трагической гибели.

Корчак был далек от узкоконфессионального подхода, но при этом признавал за каждым ребенком в соответствии с его семейными традициями право на выбор своего пути к Богу. Отсюда его заметки «Наедине с Господом Богом», которые имеют подзаголовок: «Молитвы тех, кто не молится». К слову сказать, книга «Как любить ребенка» неотделима от всех других произведений Корчака. Не случайно в эту книгу помещены еще «Право ребенка на уважение» и «Правила жизни».

По-настоящему понять и оценить ее глубину возможно лишь во взаимосвязи с ними. В целом его взгляды можно охарактеризовать как экуменические. Осознавая важность духовных потребностей у детей, он искал образцы для подражания в христианстве и иудаизме, у философов Востока, Древнего Рима, Греции, в теософских, антропософских, масонских доктринах — во всех этических системах, которые считают заботу о высших ценностях главным мерилom человечества.

В книге «Как любить ребенка» читаем: «Догмой могут быть земля, костел, отчизна, добродетель и грех, могут быть наука, общественно-политическая работа, богатство, борьба, а также Бог как герой, божок или кукла. Не во что, а как веришь (Выделено мной. — Прим. Е.Я.)». Последнее для педагога важнее всего. Корчак продолжает: «Я полагаю, корни многих неприятных сюрпризов в том, что одному дают десять высеченных на камне заповедей, когда он хочет сам выжечь их жаром своего сердца в своей груди, а другого неволят искать истины, которые он должен получить готовыми. *Не видеть этого можно, если подходить к ребенку с “я из тебя сделаю человека”, а не с пытливым: “каким ты можешь быть человеком?”*»³

С позиции ортодокса, которых немало среди неофитов последних лет, такой подход недопустим. В поисках свободы Корчак, пользуясь его же выражением, «не потерял в давке Бога». Ему в одинаковой степени были чужды и мещанское преувеличенное понятие о человеческой мощи, и властные речения прислужников, посредников, толкователей: «Приди ко мне, ибо только мой Бог настоящий». Доктор Корчак слишком хорошо понимал, что «есть разные истины: твоя, моя, его. Наши истины неодинаковы вчера и сегодня. А завтра и твоя, и моя истина будут другими».

Искусителей во все времена было предостаточно, сегодня у нас им несть числа. Будь бдителен, педагог! Уже упомянутый отец А. Мень как-то заметил: «Звездоносцы — все одинаковы». Смирение, стремление укрепить прежде всего себя самого — не по их части. Поиск врага, охота на ведьм — более привычные занятия в нашем истерзанном Отечестве. «Комиссары» в монашеских клобуках отнюдь не лучше их коллег в пыльных шлемах. При всей внешней благообразности и велеречивости они всег-

³ Корчак Я. Как любить ребенка. М.: Педагогика, 1979. С. 68.

да выдают себя одним существенным признаком — пеной у рта. Выражение это, ставшее крылатым, принадлежит Г.С. Померанцу: «Дьявол начинается с пены у рта ангела, который вступает в борьбу за правое дело».

Януша Корчака, человека тонкого, деликатного, в подлинном смысле слова наследника общемировой культурной традиции, разумеется, не могли устроить узость и ригоризм в их любом проявлении. Непостижимым образом он сочетал в себе живую, без фанатизма, веру и мужественное, трезвое отношение к жизни: «Отринув толпу Твоих прислужников, — заслоняли, не допускали, — к тебе я стремился, мой Боже». Вот почему эсхатологические предчувствия, которыми наполнены книги Корчака, никогда не убивали в нем веселья и бодрости духа. Личность педагога такого масштаба не пригнешь к земле, но и не оторвешь от нее. Пересечение же земли и неба, как известно, открывает линию горизонта в любой деятельности, включая и наше педагогическое поприще. В этом, если угодно, главный урок книги «Наедине с Господом Богом». И все же символом веры, оправданием смысла бытия для Я. Корчака всегда был и оставался ребенок. В поэтической форме это блестяще выразил А. Галич в поэме «Кадиш»: «Я старался сделать все, что мог, // Не просил судьбу ни разу: высвободи! // И скажу на самой смертной исповеди, // Если есть на свете детский Бог: // Все я, Боже, получил сполна, — // Где, в которой расписаться ведомости? // Об одном прошу: спаси от ненависти, // Мне не причитается она».

Польский патриот и офицер

В финале жизни Корчак продолжал держаться раз и навсегда избранного пути даже в людоедских условиях гетто. Он был верен своему принципу, что детям помимо еды нужна духовная пища, и до самого конца занимался с ними: они читали вслух, рассказывали сказки, ставили